

Енисей

1966

5

Аверченко успевает и сам учиться в университете марксизма-ленинизма, и преподавать в вечернем гидротехническом техникуме, и в любое время, по вызову штаба, спешит на основные сооружения.

Вот почему начальник строительства, 59-летний «Дед» — Андрей Ефимович Бочкин — день и ночь находится в котловане.

И поэтому же мастер Дарья Васильева была делегатом на XXIII съезде Коммунистической партии Советского Союза, и поэтому же крановщик Валентин Прокофьевич Полежаев является членом ЦК ВЛКСМ, а бетонщица Анна Ивановна Зверева — депутатом Верховного Совета СССР.

Но стройка ГЭС — дело не только одних дивногоорцев.

В критический момент, в дни героического поединка с Енисеем в Дивногорск приехали министр энергетики и электрификации СССР Петр Степанович Непорожний, первый заместитель председателя Совета Министров РСФСР Михаил Алексеевич Яснов, секретарь краевого комитета партии Александр Акимович Кокарев, главный инженер Главвостокгидроэнергостроя Израиль Львович Сапир.

За время сооружения Красноярской гидростанции не было и, пожалуй, впредь не будет таких схваток с Енисеем, как в ледоход и паводок. Это намного сложнее отсыпок первых перемычек, перекрытия Енисея и даже предстоящего пуска агрегатов!

Итак, первый экзамен выдержан. Предстоят новые. Возвышайся, плотина! Побеждайте, люди!

М. ПЕРЕВОЗЧИКОВ

Яблонька

Очерк

Шофер — не очень-то разговорчивый, худощавый и обветренный — завернул к своему домику, шагнул к воротам и нырнул в калитку. Не успели мы закурить — калитка стукнула вновь, и рядом показались темные руки с газетным свертком и веткой черемухи.

— Утром внимания не обратил, вроде и не было, а сейчасглянул — цветет! — Он приладил ветку у смотрового стекла, чему-то улыбнулся и добавил: — В степи красоты не встретишь...

Лавируя по пропыленным улочкам окраины Черногорска, откуда начинаются шахты, мы забыли о веточке — с пугающим шумом навстречу то и дело неслись грузные самосвалы, мелькали терриконы. Шофер искал свою колею в путанице дорог, пока впереди не легла одна-единственная, — и вот тут, как только газик торопливо и плавно набрал скорость, и всюду окрест заровнела степь, взгляд снова поймал трепыхающиеся под ветром четыре листочка и несколько цветущих кистей. Безлюдный пейзаж сейчас оживляли только они.

— Кусочек весны, — кивнул на ветку мой спутник.

— Верно! — откликнулся шофер. И до самой Камышты у нас шел разговор о красоте, о садах, о том, как ревностно жители города угольщиков оберегают насаждения и каждый год высаживают тысячи новых деревьев. Степной город действительно утопает в зелени.

Местечко, куда мы спешили, зовут Камыштой. Вроде бы камыши там. А их и нет вовсе. Камышта петляет меж гор, в иных местах — воробью по колено. А горы над ней — шапку держи. Правда, не крутобоки они, без ущельев и скал, будто вылизаны ветрами, однако после ровной степи, что пылилась навстречу от самого Черногорска, чувствуешь величие этих гор. Все-таки не степь, унылая и однообразная, где носятся перекасти-поле да кое-где маячат курганы. Холм, вокруг торчат каменные плиты, как изваяния, а на них — коршуны да воронье. Сразу же вспоминается картина Васнецова «На распутье». Только здесь направо пойдешь — степь, налево — тоже степь. Невольно оглядываешься: вокруг ни единого кустика, сереют щербатые валуны, а на фоне блеклой зелени сереньким облачком пылит вдаль отара овец...

Говорят, при хорошей погоде с этих гор виден Абакан. Судить трудно, погода нынче не та, чтоб разглядывать дали. Зато ближний хуторок сверху, как на ладони: два пятистенных домика, один снаружи оштукатурен и побелен. А чуть в стороне от жилья, по ходу петляющей речки, друг за другом поблескивают зеркала вод. Это пруды.

Наш газик нырнул в распадок, выкарабкался на очередной подъеме, затем пересек ложбинку — и хуторка уже нет, ближний холм загородил даже крыши. Мы остановились, вышли из машины. Ветер нанес дымок, запах жареной рыбы. И голоса: «Братцы, не пора ли шабашить?» — «А что? Вроде, пора...».

Но тут же все звуки перекрыл гул шмеля. Он явно не из этой округи, тут ему поживиться нечем. И все же гудит, что-то настойчиво ищет в жухлой траве. Найдет ведь — прилетел не случайно. Шмель — предвестник доброй погоды, прогноз самый верный. Даже в тундре приживаются эти шмели. Только там они мохнатые, вроде

бы в теплых шубах. А этот — по-здешнему сер. И доверчив. Учужал черемуху — мигом сюда. И тут же обиженно загудел: ветка-то уже исхлестана ветром, исчезли пьянящие соки...

— Так что, Макарыч, может, перекусим, а? — снова донесся далекий, но четкий голос.

— Вытащим все — тогда!..

Слышен разговор о большой воде, о том, что-де к вечеру может накатить вал и шальная вода хлынет через плотину, а вместе с нею уйдет и вся рыба... Может, и впрямь хозяйству грозит беда? В половодье ручей выходит из берегов, становится морем, а Камышта все-таки не ручей — вон сколько по ее руслу прудов! И все это, в основном, за счет запаса весенних вод, когда с гор несутся потоки. Нынче небывалый подъем воды — неужто сдадут плотины?..

Знаю, первую из них насыпали в пятьдесят шестом, десять лет назад. У запруды скопилась вода. Делали с благой целью — напустить в это озерко мальков карпа. Но той же весной плотину частично смыло, мальков разнесло, а остатки погибли зимой. Без нужного досмотра вода упала на нет, в толще льда ни просвета — какая же рыба выживет без кислорода? Когда прикинули по-хозяйски, что к чему, хлопот и затрат предстояло не меньше, чем, скажем, при организации животноводческой фермы. Но идея была заманчива, перспективы настолько очевидны, что подсобное хозяйство горсда угольщиков выделило посильные средства для строительства здесь настоящих плотин и водоемов.

Мне довелось видеть продолжение этой стройки. Помню, возле очередной плотины гудел маленький экскаватор, два или три самосвала, да урчащий бульдозер. В то время здесь жили старик и его дочь — ихтиолог. Как-то я заехал к ним во время своих степных странствий. И застрял на несколько часов, увлеченный радостью человеческого общения после молчаливой и печальной степи. Мы говорили о будущем Камышты, любовались на зеркальных карпов в соседнем пруду, ели уху. Чуть-чуть фантазируя, девушка изобразила всю эту пустую долину в цветущих яблонях и тополях, что наперекор суховеям поднимают здесь стену зелени. И тогда любой турист, или просто случайный путник не преминет заглянуть в Камышту, чтобы отдохнуть под тенью листвы, и потом рассказывать об этом оазисе по всем степным улусам. А я слушал и верил, радуясь молодому ее энтузиазму.

Но память хранит и другое. Прощаясь, молодая хозяйка кивнула на мой транзистор, и голос ее выдал нотку грусти:

— А у нас тут ни радио, ни телефона...

Она явно хотела сказать что-то еще, но машина уже тронулась.

над прудом у дороги осталась одинокая фигурка. Ветер трепал белую косынку, подол белого платья — на фоне сереющих гор единственное светлое пятнышко. Казалось, не девушка стоит на бугре, а цветущая яблонька.

Здесь ли она теперь? Надо заехать, узнать.

Наше появление заметили, когда газик подрулил к самому пруду. Особое внимание привлек фотоаппарат.

— Друг, щелкни-ка на память.

— Давай всех!

— Небось, из газеты, да?..

Я искал глазами старика с дочерью. Но их не было.

Рыбаки, в основном, пожилые. Одеты кто как: на одном куртка и шарф, другой в старой телогрейке — лучшего тут и не надо, все равно вымажешься, — зато на всех добротные резиновые сапоги с высокими голенищами. По настроению чувствуется, что работа не в тягость.

Подтянув к берегу небольшой невод, они черпают из него рыбу сачками и переваливают ее в носилки. Двое подхватывают носилки на весы, затем в машину. А вот трепещущий поток рыбы устремился в бочки с водой. Любопытно, что лов рыбы идет из маленького озера, почти из лужи. А тут явно был пруд. Куда же делась вода?

— Спустили, — пояснил один из рыбаков. — Из большого-то озера столько карпа разве начерпаете? Суток мало, чтоб тонну собрать. А мы сегодня уже третью машинурузим.

— И куда отправляете?

— В Черногорск.

— Значит, шахтеры получают свежую рыбу круглый год?

— Э-э, нет...

Добыча карпа — дело пока сезонное. Основной урожай берут только осенью. Но в прошлом году получился казус. Тонн сорок поймали и отправили в город, а тонн двенадцать пустили в садок, думали сбросить свежую рыбу к октябрьским праздникам. Однако в канун ледостава какой-то браконьер заглянул в садок. Не столько взял, сколько напакостил: и рыбу выпустил, и снасть изуродовал.

На первый взгляд особой беды не случилось: оставшаяся от браконьеров рыба благополучно перезимовала, теперь ее ловят и отправляют в магазины и столовые. Но суть в том, что выпущенная из садка рыба перемешалась с мелочью. А озеро — не аквариум, так просто крупных от мелочи не отделишь. Кормить все поголовье еще целое лето тоже не резон — большинство карпов весят килограмм-полтора, самая товарная рыба! Пришлось осушать пруд. Теперь идет сортировка: мелочь оставляют, а крупную отправляют в город.

Рыбаки спешат. В центральном пруду вода уже на пределе. Если прибудет еще на полметра — хлынет сюда, через плотину. Так что, действительно, не время «шабашить».

А я все ищу взглядом ту девушку-яблоньку, что провожала нас таким же ветреным днем. Может, хлопочет у водоспусков, где прибывает вода? Не утерпев, спрашиваю о ней у словоохотливого рыбака, который на минуту разогнул спину и потянулся в карман за папиросами.

— Нет, я такую не знаю. Макарыч, наверно, в курсе. А мы тут временные, пенсионеры. Попросили помочь — вот и приехали на недельку. А Макарыч тут постоянный, он хозяин...

Все рыбаки — пенсионеры. И все — бывшие шахтеры. Артель. Свой бригадир, кашевар. Приехали не ради заработка — у каждого приличная пенсия. Просто их попросили, сказали, что они здесь нужны. Вряд ли найдется среди пенсионеров, кто бы не откликнулся на такой зов. Тем более — на свежем воздухе. А какой шахтер не любит природу! Каждый из них четверть века отдал шахте, годы работал под землей. У Василия Киреевича Давыдова, например, — с ним-то мы и разговорились — в ладонях до сих пор темнеет угольная пыль. По тридцать лет рубали уголек и его товарищи: Василий Александрович Самков, Андрей Тимофеевич Тименцев, Анастас Поликарпович Седов. Есть еще порох в пороховницах — почему не помочь! К тому же в душе каждый из них рыбак и охотник. Приехали сюда, глянули — люди добрые, так ведь тут стоящее дело затеяно! Остались еще на неделю. Там плотину подправят, там обваливается берег, нужна крепь — работы хватает, не в гости приехали. Теперь поговаривают — не взять ли над прудами постоянное шефство?!

— А что, дело говорят мужики, — продолжал Киреев. — У нас в Черногорске пенсионеров несколько тысяч. С такой армией горы свернуть можно. А наш Макарыч никого без дела не оставит, у него не заскучаешь...

Макарыч тоже пенсионер. Нам издали показали на юркого старика, который над чем-то колдовал у водоспуска плотины. Я направился в его сторону, чтобы сфотографировать лужицу, где вода прямо-таки кишела рыбой. Но когда мы приблизились, вся эта рыба затеяла какую-то невообразимую пляску.

— Отойдите! — раздался от плотины сердитый и повелительный голос. — Не пугайте рыбу!

И старик заспешил к нам. Телогрейка вымазана илом, в руках, подобно ружью, сачок. Вид самый враждебный.

— Отойдите, вам говорят!.. Сегодня рыба и так напугана.

Теперь в общем-то понятна строгость к незнакомцам, — мало ли

приезжает сюда любителей рыбки! — но, говоря откровенно, у меня пропало всякое желание расспрашивать старика о девушке. Кто знает, как он к этому отнесется? В его возрасте объективность иногда лукавит в угоду честолюбию, — вдруг предшественница была не таким уж маститым специалистом?

Рыбаки сказали мне, что Макарыч по образованию ихтиолог; в сороковом году окончил Томский университет, много лет работал научным сотрудником и рыбоводом. Интересно, что его заставило изменить спокойной старости? Этот вопрос, кажется, и послужил началом нашего разговора о его предшественниках.

— Уехала девушка, не прижилась... — Старик посмотрел на горы, на ложбину, помолчал. — Видите: прошагаешь десятки верст и никого не встретишь. Разве отару овец да саманный домик пастуха. А ее дело молодое. Хочется и потанцевать и с подружками посумерничать... Уехала. Слышал, кого-то встретила, кто-то пришелся по сердцу — выходит, за судьбой уехала. Это мы свое доживаем... — Он снова помолчал, чему-то улыбнулся. — Говорят, от добра добра не ищут. Верно. Только ведь и мы не хлебом единым сыты. А тут до сих пор ни радио, ни телефона. Даже освещаемся керосиновой лампой.

Тихон Макарович Кондратьев живет здесь с ранних оттепелей и до ледостава. К семье, в Черногорск, заглядывает редко: повидается, прихватит смену белья — и снова сюда. На ногах с утра до ночи, даже побриться некогда. Привык. И рано вставать привык, и поздно ложиться. Днем заскочит в комнату, на ходу пожует и дальше. На холостяцком столе книги, разные химикаты, колбы и хлеб. А на видном месте барометр и прудовой журнал. Ежедневно фиксируется уровень воды каждого водоема, наличие кормов, лаконичные записи о всех проделанных работах, о поведении рыбы, о погоде... Жаль, нельзя в этом журнале рассказать о своем настроении! А личные дневники Кондратьев пока никому не доверяет.

— Да так, — отмахивается, — может, никому не нужные стариковские мысли... Нынче ведь редко обращаются за нашей помощью...

Дневники так и не показал.

За стенами комнаты живут две семьи. Сторожа и рабочие. Он и она, он и она. В общем, над семнадцатью прудами, площадью в сто гектаров, хозяйничают пятеро. Каждый пруд требует к себе внимания — хозяйство! Причем гораздо капризнее и сложнее, чем обычное. Подводное царство живет по своим законам, любая ошибка человека может обернуться непоправимой бедой.

Сейчас в Камыште пять нерестовых прудов, шесть нагульных, два выростных и четыре зимовала. В определенное время года каждо-

му нужен свой уровень воды. Прогляди, скажем, этот уровень зимой — все погибло. Непроницаемым панцирем лед сдавит зеркало воды, осядет на кромки берегов, — и все поголовье карпов задохнется от недостатка кислорода.

Система регулировки воды здесь, в общем-то, проста. В насыпь, отделяющую каждый пруд, заделан бетонный «монах» — сооружение для водосброса, — а в монах закладываются обычные толстые доски — шандор. Верхние шандоры напоминают рамы с фильтрующими сетками. Например, нужно в каком-то пруду увеличить толщину воды — у соседнего монаха вынимают шандору, а на ее место вставляют раму, чтобы вместе с падающей водой не проскользнула рыба. Вроде бы просто. Однако следует помнить, что семнадцать прудов по руслу Камышты разбросаны на много километров. Вот и успевай. И все на «своих двоих». Причем в день иной раз приходится исколесить водоемы дважды — особенно сейчас, в канун большой воды.

Рассказывая, Тихон Макарович в своем деле чувствует себя, как рыба в воде. Да, говорит, затраты на строительство водоемов и сооружений обошлись подсобному хозяйству города угольщиков не в десятки, а в сотни тысяч рублей. Но все это окупится максимум через десять лет — при условии, если с каждого гектара водоемов брать не менее пяти центнеров рыбы. По плану будущего года шахтеры должны получить сто тонн свежей рыбы. Прикидываю, и тут же возникает вопрос: имеется сто гектаров, с каждого по пять центнеров — сто тонн не получается.

— А у нас еще в двух местах есть нагульные пруды, — говорит Тихон Макарович, — возле станции Оросительной и на речке Бидже. Там освоено около ста пятидесяти гектаров. Но там затраты незначительные. Это лишь тут, на центральной базе, надо было сделать все как положено. Здесь мечут икру самки, вырастают мальки, нагуливаются. А в те водоемы отправляем уже окрепших, проверенных. Нынче осенью там будем снимать первый урожай...

Мальков карпа перевозят в обычных бочках с водой. Мороки, конечно, не оберешься. Во-первых, каждая рыбка должна быть на счету. А их сотни тысяч. Попробуй, учти! Меряют обычным ведром, куда входит около четырехсот штук. Расхождения бывают в пятидесяти мальках. Перед отправкой малышей обязательно купают в соленой ванне. Пять минут. Это для профилактики, чтобы не занесли в другой водоем какую-либо инфекцию. К тому же такой спартанский метод позволяет сделать естественный отбор: вытерпит малек процедуру — расти, гуляй на здоровье! А уснет после ванны — потеря велика, все равно такой не жилец.

Миллион проверенных карпов обитает сейчас в хозяйстве Тихона Макаровича. И весь этот миллион прошел через его руки. Не случайно хозяин рассказывает о них с такой теплотой:

— В солнечный день выйдешь на плотину — узнают ведь, скопом за тобой ходят. Взрослые, конечно. Малыши — те несмышленишки, каждого жеста боятся. А эти подачки ждут, завтрака. Только ступил в лодку, шевельнул веслом — тут как тут. Едешь, разбрасываешь корма, а иные двухлетки через борт сигают. Так весь путь за тобой и следуют, пока есть мешанка. Доверчивые. Это и худо подчас. Подмани их в кучу пригоршней крошек, подведи сачок — вот тебе и улов. Некоторые карпы по несколько килограммов. От браконьеров отбоя нет. Знает ведь, сукин сын, что пруды заповедные, нельзя трогать рыбу! Нет, норовит зацепить. А какой прок, ежели он рыбак настоящий — для души-то ничего не остается, одна пакость. Хищник! Выхватит рыбку, да норовит покрупнее, а крупной-то как раз цены нет — может, производитель это! Ему минутное удовольствие, а тут хоть плачь...

Как-то осенью в нерестовом пруду потерялась самка амурского сазана. В канун ледостава несколько суток дежурил Кондратьев над берегом, в надежде хоть глазом увидеть редкостный экземпляр. Шутка ли, везли из такой дали и вдруг, на тебе — исчезла. Попади в те дни браконьер — не упустил бы!

Самку ту выпустили с курскими карпами. Их тоже привезли за тысячи верст, чтобы прижились в хакасской степи. Надеялись, может быть, дальневосточная красавица и курские гости дадут свое поколение, новое, более уживчивое в местных условиях.

Всю долгую зиму рыбовода бередили сожаления о пропаже. И какво же было удивление, когда пудовая сазаниха весной как ни в чем не бывало вырулила на солнцепек...

Теперь, рассказывая, Кондратьев не без гордости подчеркивает, что в нагульных прудах уже несколько тысяч карпов новой породы — камыштинских. С точки зрения ихтиолога-рыбовода — у них свой экстерьер и своя конструкция, говоря языком селекционера, — растут они быстрее обычного карпа и, на зависть, благополучно переносят долгую зимовку.

Удивительное свойство этой рыбы — несколько месяцев обходиться без пищи. Всю зиму! Кондратьев проделал эксперимент: несколько взрослых карпов осенью взвесил, пометил их и пустил в зимовал. А весной, как только оттаял лед, выловил. Вес почти одинаковый. Значит, пойманных осенью карпов можно без потерь держать в специальном садке и в любой зимний месяц подавать на стол в свежем виде. Исключительный продукт! А если сопоставить прямые за-

траты пропорционально приросту — карпу нет равных! За одно лето он прибывает в весе до килограмма. Конечно, при нужных кормах. На килограмм привеса карпу нужно пять килограммов комбикорма, то есть на рубль затрат три рубля отдачи. За прошлый год, например, подсобное хозяйство получило 16 тысяч рублей чистой прибыли. Рыбы продано 44 тонны. Предстоящей осенью свежей рыбы намечено — и это реально! — продать 85 тонн.

Такие цифры и дела, конечно, радуют. Еще бы: на месте когда-то безымянной речушки столько рыбы! Но тут же ловишь себя на мысли: как во многом еще мешает нашим благим намерениям наша нетерпеливость! Если распахал клин земли — давай с него урожай, давай и давай, пока не иссякла земля! Если разводишь рыбу — в первую очередь давай прибыль, и как можно скорей. А нельзя ли по-хозяйски? Ведь любое совершенство создается годами. Здесь, на Камыште, потребовалось десять лет, чтобы наконец-то получить настоящего карпа. Зато теперь уверенно можно сказать, что здесь, в степи, создана рыбная база для разведения карпов во всех водоемах Хакасии. Подсобное хозяйство Черногорска хоть сегодня продаст любому колхозу или совхозу десятки тысяч мальков.

Позволю некоторые отступления. Вечером того же дня мы встретились с директором подхоза Борисом Федоровичем Попенко. В кабинет зашел товарищ из Кемерово. С директором, видимо, уже была договоренность, и гость прямо с порога начал о деле:

— Только сейчас наши летчики сделали возле озер пробную посадку. Все нормально. Значит, четыреста тысяч мальков можно забирать?

— А какая машина?

— Самолет «АН-2».

Директор глянул в справочник, тут же с кем-то переговорил по телефону в отношении бочек.

— Для перевозки четырехсот тысяч нужно восемь машин.

— Они готовы. В Кемерово ждут сигнала...

Сейчас в соседней области начал разводить карпа ряд хозяйств целого треста. Уже в этом году шахтеры и металлурги Кузбасса планируют иметь несколько тысяч центнеров своей свежей рыбы. В перспективе — сотни тысяч центнеров. Выгодно. Оправдываются затраты на перевозку молоди даже спецрейсами. Стоимость тысячи мальков — 60 рублей. Причем сюда входит их вылов, ваннные процедуры и погрузка. Значит, подгоняй к озерам любой вид транспорта, плати, забирай мальков и выращивай их на здоровье.

— Любое хозяйство?

— Даже любители! — ответил Попенко.

В Хакасии сотни больших и малых «диких» озер. Почему бы их не заполнить ценными породами рыб? Помеха — опять же наша нетерпеливость. Любому руководителю тут же хочется иметь отдачу. В области прошлой весной набралось с десятков хозяйств, которые приобрели на Камышті около ста тысяч мальков карпа. А нынче подали заявки лишь три совхоза на 25 тысяч. Почему мало? Да потому, что в прошлом году выпустили этих мальков на съедение хищникам. Если часть и осталась, то желанные карпы — по килограмму весом, — просто не выросли. Почему? Потому что их не подкармливали! А естественную пищу съели ерши, пескари и другая мелочь. Выходит, прежде чем выпускать мальков в «дикие» озера, их нужно хотя бы элементарно подготовить.

Нынче на Камыште оборудуется зимовальник — садок, отгороженная часть пруда, — откуда живых карпов можно брать круглую зиму. А руководство ОРСом треста Хакасуголь уже планирует иметь специальный магазин, где можно будет в любое время года купить живую рыбу. Приходишь в магазин, глянул в аквариум: «Пожалуйста, поймайте вон того...» Здорово!

А можно ли выращивать карпа без нерестилищ и зимовалов, без таких вот прудов и плотин? Скажем, имеет колхоз на своей земле заброшенное озеро.

— Можно! — подтвердил рыбовод. — Только надо не пожалеть для очистки этого озера немного денег и хозяином озера назначить истинного рыбака. Да внушить ему, что он действительно Хозяин озера! Чтоб не только досматривал за рыбой, но в первый год и близко к берегу не подпускал рыбака-любителя, который пришел бы сюда без деревца-саженца. Вот чего не хватает степным озерам! Без леса они неприветливы и пустыньны! А ведь даже в пустыне любой оазис кустится зеленой — неужто в родной степи нельзя обсадить берега озер? Поливать не надо, само озеро вдохнет силу любому деревцу. Тогда и выращивай тут карпов. Хочешь — просто отдыхай под шелест листвы.

Под Черногорском, например, есть большущее озеро Красное. В воскресные дни зимой и летом сюда приезжают сотни рыбаков-любителей. Если бы каждый прихватил деревцо — уже давно бы здесь шуметь яблоням и тополям. И это здесь, в голой степи, где ныне не встретишь кустика. Совету пенсионеров — есть такое общество в Черногорске — следует подумать, с чего начать украшение своей земли. Да и не только украшение — пыльные бури в Хакасии теперь ежегодно губят тысячи гектаров посевов.

О многом еще мы говорили с рыбоводом и с пенсионерами, которые страстно желают видеть Камышту в кольце тополей и берез,

а рыбовод мечтает развести по берегам даже смородину с малиной, чтобы вместе с рыбой отправлять в шахтерский город и ягоду. А попутно — хорошее настроение.

Прощаясь, Тихон Макарович показал мне небольшую яблоньку.

— Видите, прижилась, выбросила листочки. Правда, тоненький кусти́к зябко вздрагивает от степного ветра, гнет порой спину, того и гляди — сломается. Однако растет всем ветрам назло.

И видели бы вы, как любовно касаются веток обветренные руки старика! Верится: он сохранит эту яблоньку, а рядом посадит еще не одну. Об этом же говорили и рыбаки-пенсионеры. Ведь у каждого из них дома есть сад...

В Камыште запомнились горы, степная ложбина, лабиринт оголенных прудов, а у берега — седой человек небольшого роста и тонконогая яблонька. Она совсем не похожа на ту девчонку. И не скоро еще зацветет — всему свое время. Но эта одинокая яблонька навеивает раздумья, рождает хорошие мысли. В самом деле, мы часто говорим об охране природы, однако продолжаем бездумно обкрадывать не только фауну и флору, а в первую очередь себя и своих потомков.

Пожалуй, давно пора в любом обществе рыбаков и охотников учредить жесткие правила: едешь к степному озеру отдыхать — прихвати деревце, посади его там. В конце концов, за услугу платят. Даже природе.

Грушин
Жизин. Кондратов.